

О. И. Хоруженко

ИРИ РАН, Москва, Россия. khoruzhenko1@yandex.ru

ИЗВЕСТИЕ О КНЯЖНЕ АЛЕНЕ АНДРЕЕВНЕ, ПЛЕМЯННИЦЕ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ДОНСКОГО

В статье исследуется сообщение В. Я. Левашова (1747 г.) о найденной им и позднее утраченной рядной записи великого князя Дмитрия Ивановича, подготовленной в связи с замужеством его племянницы Алены. Показано, что сведения В. Я. Левашова отличает большая степень достоверности. Несмотря на то что они прямо не подтверждаются иными источниками, их следует принять во внимание при исследовании истории второй половины XIV в.

Ключевые слова: Дмитрий Донской, Андрей Ольгердович, Василий Яковлевич Левашов, акты, источники, рядная запись

Комплекс московско-литовских и литовско-московских договорных грамот XIV в. составлял, по подсчетам В. А. Кучкина, произведенным на основе описи 1626 г., 13 единиц в виде копий. До нас дошел только один текст, сохранившийся в подлиннике (перемирная грамота 1372 г.) [Кучкин, 2003, с. 119–120]. Содержание других докончаний может быть установлено только на основе их довольно лаконичных описаний в описи¹. Тем более ценным представляется упоминание еще одного документа, судя по всему, исчезнувшего из архива Посольского приказа до составления описи 1626 г. О существовании этого документа свидетельствовал один из «птенцов гнезда Петрова» Василий Яковлевич Левашов (1667–1751).

В. Я. Левашов – участник всех значимых военных походов Петра I: он прошел Нарву, Шлиссельбург, Полтаву, Ригу, Прут, Померанию и Персию. В 1747 г. В. Я. Левашов, на то время уже андреевский и александровский кавалер, московский главнокомандующий [Левашов Василий Яковлевич; Высшие чины, с. 559], обратился к секретарю императорского Кабинета Василию Ивановичу Демидову² с письмом, текст которого полностью приводится ниже.

«Государь мой Василий Иванович!

При сем имею Вам, государю моему, объевить.

В [1]719 году, в прежнюю [со] шведами вайну, ва Шветци[и] великаго князя Дмитрия Ивановича Донскаго рядная чорная запись найдена, на столпцах писанная, как племянницу сваю, великаго князя Андрея дочь, кнежну Алену, за литовскаго князя замуж отдавал. И ту рядную я блаженные памяти и вечной достойные славы к государю императору Петру Первому отправил. И она за древность весма милостивно принята, а са оной я у себя копию оставил, которая за разными моими в разные край переездоми утратилася или в Азове, когда я был в Крыме, згарела. И отправленная от меня та рядная запись, упаваю, в Кабинете найдетца может. И в той надежде я минувшаго [1]745-го году Ивану Антоновичу Черкасову писал, чтоб ту рядную в Кабинете приискать приказал и ка мне бы копию прислать пожаловал. Но, упователно, за многоимением дел его превосходителству в сыскан[ь]и оной времени не имеэца.

¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 33–35. Л. 3–7.

² В. И. Демидов не принадлежал к роду дворян-заводчиков (ср.: [Головщиков, с. 143]; здесь *Никитич*). Он родился в 1697 г., был жив в 1755 г. («Скаска» елизаветинской России. (Опрос сановников, сотрудников госучреждений, придворных при дворе Елизаветы Петровны, 1754–1756 гг.) / Публ. и вступ. ст. К. А. Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2007. Т. 15. С. 95).

Чего ради, в надежде пребывая, Вас, государя моего, друга и кума, прилежно прошу, буде можно, ту рядную приискать пожаловать, которая, уповаю, и ея императорскому величеству, нашей всемилостивейшей государыне, небезугодна будет, а ка мне с той рядной копию прислать и меня тем одолжить пожаловать.

Такие древние письма, упователно, в прежнее от поляков и от шведов России разорение растащены³.

В протчем же пребываю Ваш, государя моего, верный слуга Василей Левашов.

Ноября 26-го дня 1747 году, из Масквы»⁴.

К сообщению В. Я. Левашова следует, судя по всему, отнестись с доверием. Трудно предположить какие-то мотивы для мистификации вначале кабинет-секретаря И. А. Черкасова, а затем его заместителя В. И. Демидова. В. Я. Левашов явно был заинтересован только в получении копии с уникального манускрипта, верил в то, что он хранится в делах Кабинета, и настойчиво добивался своей цели. Попытаемся исследовать приводимые им сведения об этом документе.

Из письма В. Я. Левашова следует, что рядная грамота («запись») попала к нему в 1719 г. «ва Шветции». Обстоятельства этого приобретения можно восстановить. Речь идет о десантах июля – августа 1719 г., в которых В. Я. Левашов принимал участие: «по высадке войск наших находился он на многих сражениях со шведами» [Бекетов, с. 4]. Целью операции было нанесение ущерба тыловой инфраструктуре Швеции для принуждения к заключению мирного договора. В ходе десантов было разорено или уничтожено, в частности, восемь городов, 41 дом сенаторский и шляхетский и т. д. [Фейгина, с. 499]. Скорее всего, в одном из таких домов В. Я. Левашов (или один из подчиненных ему офицеров) и обрел свой трофей.

Сняв с «рядной записи» копию для себя, он «отправил» (не вручил лично) оригинал Петру I, что могло произойти между 1719 и 1725 гг. В. Я. Левашов не был уверен в том, когда и каким образом потерялась его копия. Он предполагал, что она могла сгореть в Азове во время пожара 4 июня 1739 г. [Баиов, с. 274], но не исключал, что она затерялась в одну из его поездок 1719–1744 гг. По всей видимости, только после назначения главнокомандующим в Москву (1744 г.) [Бекетов, с. 8] В. Я. Левашов смог приступить к разбору своих бумаг, тогда и обнаружилась пропажа.

Описание внешнего вида записи («чорная», «на столпцах писанная») не может быть интерпретировано однозначно.

Архивные описания XVI–XVII вв. оперируют определением *черный* по отношению к грамотам⁵, спискам с грамот⁶, книгам⁷ и т. д. По мнению А. Н. Ясинского, «списками черными назывались копии с документов официального свойства» [Ясинский, с. 13]. Согласно И. И. Полосину, «список черный» – черновик [Полосин, с. 30–31]. Оба толкования не были приняты А. А. Зиминым: «когда хотели сказать “копия”, говорили просто “список”» [Зимин, 1978, с. 243]. Определение И. И. Полосина А. А. Зимин счел необходимым дополнить:

³ Того же мнения придерживался и Л. В. Черепнин: «Документы московского великокняжеского архива, которые могли бы осветить московские переговоры с Литвой середины 80-х годов XIV в., очевидно, все были вывезены во время польской интервенции в начале XVII в.» [Черепнин, 1948, с. 51; ср.: с. 49]. Впрочем, реконструкция пути, которым рядная запись попала в Швецию, может быть только гадательной.

⁴ РГАДА. Ф. 9 (Разряд IX. Кабинет Петра I и его продолжение – (объединение фондов) Государственного архива Российской империи). Отд. II. Кн. 41. Л. 325–325 об. Писарская рукопись, подпись-автограф В. Я. Левашова.

⁵ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 19. Л. 234 об.; С. 25. Л. 260; С. 26. Л. 268 об.; С. 30. Л. 288 об.; С. 35. Л. 316; С. 37. Л. 323; С. 43. Л. 349 об.; С. 53. Л. 22; С. 54. Л. 25 об.; С. 60. Л. 47; С. 85. Л. 141 об.; С. 95. Л. 182 об.; С. 96. Л. 183.

⁶ Там же. С. 19. Л. 233 об., 234 об.; С. 22. Л. 245 об.; С. 23. Л. 249; С. 28. Л. 277 об.; С. 31. Л. 296 об.; С. 37. Л. 323 об.; С. 38. Л. 328; С. 39. Л. 333 об.; С. 40. Л. 337 об.; С. 41. Л. 343; С. 42. Л. 348, 348 об., 349; С. 43. Л. 352.

⁷ Там же. С. 39. Л. 335 об.; С. 40. Л. 337 об.

«Список черный» не всегда означал черновик, как то полагает И. И. Полосин. Он мог означать автограф, подлинник, в отличие от снятой с него копии» [Зимин, 1958, с. 337, примеч. 298]. Как подлинник А. А. Зимин понимал и *черную грамоту*⁸. Но примеры, которыми он подкреплял свою точку зрения, не позволяют с ней согласиться. По его мнению, о подлинниках идет речь в описании ящика 20 царского архива: «Грамоты латинским писмом от цесарей, списки черные, а в книгах писаны» [Зимин, 1978, с. 293]. Но здесь однозначно речь идет не об оригиналах, а о списках с них, вписанных в копияльные книги. Равным образом и другой пример А. А. Зимина не говорит в пользу предлагаемой им трактовки. В правой грамоте 1551 г. повествуется, что у Федора Воронцова в опале были конфискованы в казну его грамоты (то есть подлинники), которые сгорели в ней в пожар 1547 г. Попытка восстановить содержание одного из сгоревших подлинников по его черновому отпуску не удалась: «черная грамота», как показал выдавший грамоту дьяк Посник Губин, и у него «в болшей пожар згорела»⁹. Таким образом, пожар 1547 г. унес не один, а два документа: оригинал грамоты, хранившийся в царской казне-архиве, и черновик, оставшийся у дьяка.

Вероятно, *черным* документ становился после *чернения* – исправлений, зачеркиваний. На правленном списке договорной грамоты Ивана III и его сына Ивана Ивановича с волоцким князем Борисом Васильевичем содержатся две пометы: «Князя Борисова с старых черненная» (XV в.) и «Грамота черная...» (XVII в.)¹⁰, то есть этот документ охарактеризован и как черненный, и как черный. В описании другого документа читаем: «черная записка... чернение Ивана Грамотина»¹¹. Таким образом, определение *черный* уместно по отношению к черновикам и спискам, в которых были возможны зачеркивания и иные исправления. В оригиналах явные исправления в силу торжественного, парадного характера акта были крайне редки.

Между тем определение *черный* могло применяться к документу и как характеристика его физического состояния. Академический словарь конца XVIII в. давал три значения этого слова: «1) Имеющий цвет самый темный, и совсем противный белому... 2) Придается к означению качества вещей, кои, хотя не совсем сей цвет имеют, однако в сравнении однородных с ними ближе к оному подходят... 3) Замаранный, загрязненный, запачканный, заношенный, противопологается чистому»¹². Во втором или третьем значении *черный* встречается в Описи архива Посольского приказа 1626 г.: «2 коробки всякой черной розни разных государств, самые черные грамоты и выписки»¹³. Превосходная степень в последней характеристике исключает понимание *самых черных* грамот как черновигов или списков. По-видимому, в том же значении находим определение *черный* в описании грамот князей Волконских, представленных в конце XVII в. в Палату родословных дел Разрядного приказа: «те грамоты драны и черны», «грамоты... не черные и *черных* мест в них нет» [Хоруженко, с. 42], хотя тут могла идти речь и об исправлениях.

Итак, «чорная» рядная запись могла означать для В. Я. Левашова как оригинал, потемневший от времени или загрязненный, так и черновик или копию.

Следовало бы предположить, что «на столпцах писанная» грамота должна быть скорее не черновиком или оригиналом, а более поздней копией. Столбцовая форма делопроизводства отмечается на Руси с XVI в. [Черепнин, 1956, с. 342]. Но и здесь однозначный вывод был бы неосторожным.

---

⁸ Там же. С. 293.

⁹ Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб., 1895. С. 217–218. № 11.

¹⁰ ДДГ. С. 232. № 69.

¹¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 388. Л. 692 об.

¹² Словарь Академии российской. СПб., 1794. Ч. 6. Стб. 705.

¹³ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 329. Л. 572 об.

В Словаре Академии российской указано следующее значение *столбца*: «Так называется род печатания, когда строки в книге не во всю ширину страницы, но в половину или в третью долю только пускаются»¹⁴, то есть речь может идти о расположении текста в двух-трех колонках. В древнерусской книжности текст часто писался в два столбца на одном листе. В актовой и делопроизводственной письменности расположение текста в колонках встречается редко и, кажется, полностью исчезает после XIII в.¹⁵

Как известно, для формирования *столбца-свитка* бумажный лист разрезался либо пополам в длину (тогда получалась полоса форматом около 17 × 45 см), либо на три части в ширину (в этом случае полоса имела размеры около 15 × 34 см)¹⁶. «Места соединения (склеивания) полос именовались “склеяками” или “сставами”... Условно такое же название дается и каждому отдельному узкому листу, входившему в состав столбца» [Черепнин, 1956, с. 342–343]. Но, насколько можно судить, отдельные листы назывались, помимо *склеек* или *сставов*, также и *столпцами*; в этом случае свиток, который они составляли, назывался *столп*.

А. Г. Гуськов отметил в архивных описях XVII в. употребление слова *столбец/столпец* (всегда во множественном числе) исключительно в значении ‘узкая полоска бумаги’: «...в середке столбцев многих нет», «сверху столбцы подраны», «в столбцах 3 записи шертные...», «...писана на бумаге на столпцах», «...верху у нее нет, а скольких столбцов, того неведомо», «чертеж на столпцах» [Гуськов, с. 95]. Подобные примеры можно дополнить. Явно *столпец-лист*, входивший в *столп-свиток*, имеется в виду в описании других документов: «а на последних столпцах того ж столпа припись дьяка»¹⁷, «столпик... распался весь, иных столбцов нет»¹⁸. Конечно, два *столпца-листа*, но не два *столпа-свитка* занимал «список з грамоты... на два столбцах»¹⁹. Как указание на формат листа следует понимать фразу «писана на бумаге на полустолбце»²⁰.

У археографов XIX в. при описании публикуемых документов было принято употреблять термин *столбец* именно как указание на формат и косвенно на материал письма (бумага): «подлинник писан столбцем, на одном листке»²¹. В отдельных случаях к этому *столбцу на одном листке* добавлено: «быв некогда свернут пакетом», «быв сложен пакетом»²² и «быв запечатан»²³. Совершенно понятно, что здесь, как и в архивных описях XVII в., *столпец* означает не свиток, состоящий из последовательно подклеенных листов, а отдельный лист, подходящий по своему формату для подклейки в столп.

Следует отметить, что множественное число слова *столпец* как в описях XVII в., так и в письме В. Я. Левашова вовсе не должно означать, что документ был написан на двух или более листах. По-видимому, документ, написанный на одном листе соответствующего формата, назывался *писанным в столпцах*.

¹⁴ Словарь Академии российской. СПб., 1794. Ч. 5. Стб. 741.

¹⁵ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 55, 58, 60 (списки XIII в., все написаны на пергамене).

¹⁶ Отмечены и меньшие значения ширины полосы – 13,5 см: Из истории дворцового делопроизводства конца XV в. Опись приданого великой княжны Елены Ивановны 1495 г. / Подгот. А. Л. Хоружевич // Советские архивы. 1984. № 5. С. 33.

¹⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2008. Вып. 28. С. 82.

¹⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 255–256. Л. 421.

¹⁹ Там же. С. 312. Л. 539.

²⁰ Там же. С. 38. Л. 11.

²¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией. СПб., 1838. С. 135. № 99; С. 136. № 102; С. 344–345. № 321-I, 321-II; С. 396. № 373 и т. д.; Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 7. С. 263. № 48-VIII, 48-X и т. д.; Письма русских государей и других особ царского семейства М., 1848. Т. 1. 1526–1658. С. 3–5. № 1–5; С. 12. № 11 и т. д.

²² Временник ОИДР. М., 1849. Кн. 1. Ч. 3 (Смесь). С. 16; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. С. 101. № 75; С. 110. № 80 и т. д.; Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 3. С. 101. № 63.

²³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Археографической экспедицией. СПб., 1836. Т. 2. С. 173. № 80.

В описи 1626 г. упоминаются два документа, описанные аналогично рядной записи, «на столпцах писанной»: «Запись поручная, писана на столпцах по князь Иване Петрове сыне Охлябинине в отъезде, лета 7074-го году, а у ней назади руки порутчиковы» и «Запись поручная по боярине по Захарье Иванове сыне Очине-Плещееве в отъезде, писана на столпцах лета 7074-го году, а у ней назади руки порутчиковы»²⁴. Оба документа сохранились к настоящему времени²⁵ – каждый из них написан на одном цельном листе бумаги, без склеек²⁶. Объяснением множественного числа здесь может служить расположение текста на лицевой и оборотной сторонах листа в виде узких колонок (что обусловлено форматом бумаги), схожих с колонками-столбцами памятников книжности.

Материал письма В. Я. Левашовым указан не был. Сохранившиеся подлинники восточноевропейских актов XIV в., включая дипломатические, написаны как на пергамене, так и на бумаге²⁷. Но с учетом изложенных наблюдений вероятнее, что документ был написан на бумаге.

Содержание обнаруженного и затем утраченного документа уникально. Другим источникам неизвестна княжна Алена, дочь великого князя Андрея и племянница Дмитрия Донского, которая была выдана или посватана за литовского князя. Только косвенные указания источников могут если не подтвердить, то намекнуть на достоверность сообщенных В. Я. Левашовым сведений.

Примеры более поздних рядных записей показывают, что они составлялись как от имени родителей или опекунов невесты, так и от имени жениха. Причем в первом случае перечень приданого был непременно статьей, а во втором, видимо, присутствовал не всегда²⁸.

В. Я. Левашов должен был употреблять слово *племянница* в современном ему и сохранившемся донныне значении как ‘дочь брата или сестры’²⁹. Предпочтительно истолкование этого указания как *родной племянницы*, поскольку более отдаленные степени родства (внучатая, двоюродная племянница) не объясняют активного участия Дмитрия Донского в устройстве судьбы этой своей родственницы. Нельзя исключить, что современным для себя термином В. Я. Левашов передал термин источника *братанична* (‘дочь брата’)³⁰ либо *сестрична* (‘дочь сестры’)³¹.

Родная племянница-*братанична* должна быть исключена: единственного родного брата Дмитрия Донского звали Иваном. Он родился между 1350 и 1358 гг., а умер в 1364 г. Таким образом, на момент смерти князю Ивану было от 6 до 14 лет – он не мог оставить потомства. Следует рассмотреть возможность того, что в рядной грамоте имелась в виду племянница-*сестрична*, что заставляет обратиться к вопросу о сестре или сестрах Дмитрия Донского.

Летописи упоминают о том, что сестра Дмитрия Ивановича была отправлена в 1356 г. в Литву, чтобы выйти замуж за одного из сыновей князя Кориата, не названного по имени³².

---

²⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 64. Л. 57 об.–58.

²⁵ РГАДА. Ф. 135 (Государственное древлехранилище хартий и рукописей). Отд. III. Рубр. II. № 39, 40.

²⁶ Сообщила Н. Ю. Болотина, за что выражаю ей свою искреннюю благодарность.

²⁷ Наиболее ранние акты на бумаге – договор смоленского князя Ивана Александровича с Ригой (первая половина XIV в.) и договор московского князя Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем (предлагаются датировки с конца 40-х гг. XIV в. до 1351 г.) (см.: [Каштанов, 2010, с. 94–100]). Отмечены бумажные оригиналы и черновики актов, составленных в Великом княжестве Литовском в конце XIV в. (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. М., 2015. Т. 1. С. 78. № 15; С. 89. № 19; С. 96. № 29; С. 98. № 30; С. 99. № 31; С. 101. № 32; С. 103. № 34; С. 104. № 35, 36; С. 106. № 37; С. 108. № 38; С. 111. № 40; С. 112. № 41).

²⁸ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией. С. 418–424. № 392–401.

²⁹ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2013. Вып. 20. С. 19.

³⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1. С. 319, 320.

³¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2000. Вып. 24. С. 98.

³² ПСРА. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

Точное количество и имена сыновей Кориата неизвестны. Не исключено, что среди них был и князь Андрей, но никаких указаний на его существование источники не содержат.

Родословная роспись дворян Волынских присваивает Дмитрию Ивановичу еще одну сестру – Анну, которую он якобы выдал замуж за их предка, князя Дмитрия Михайловича Боброка Волынского. Великокняжеский боярин *Дмитрий Михайлович*, указанный без княжеского титула, личного или родового прозвания, известен по перемирной грамоте 1372 г. и второй духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г.; в обоих документах он выступает первым среди бояр³³.

Есть достаточно оснований, чтобы отождествить его с великокняжеским воеводой *Дмитрием Михайловичем Волынским* – с таким прозвищем-этнохоронимом он упоминается в летописном известии о битве на Скорнице 1371 г. (в ранних сводах еще без княжеского титула³⁴).

Не меньше оснований считать Д. М. Волынского активным участником Куликовской битвы, как о том повествуется в списках Пространной редакции Задонщины. В них он фигурирует как *Дмитрий Волынский*³⁵. В Сказании о Мамаевом побоище он именуется *Дмитрий Волынский*³⁶, *Дмитрий Волынец*³⁷ или просто *Волынец*³⁸. В варианте Ундольского и в редакции Летописца князя Хворостинина он выступает как *Дмитрий Боброков*³⁹ и, наконец, в редакциях 80-х гг. XVII в. – как *Дмитрий Боброк*⁴⁰. Памятники Куликовского цикла не наделяют этого персонажа отчеством *Михайлович* и княжеским титулом.

В наиболее ранней росписи Волынских в составе Летописной редакции родословных книг (роспись должна быть датирована первой третью XVI в.) их родоначальником значится «Дмитрей Михайлович Боброк... И князь великий Дмитрей дал за него сестру свою княжну Анну, и от тое был у него сын Василей, убился с коня 15 лет»⁴¹. Волынские желали видеть себя потомками детей Боброка от его первого брака (другим источникам они неизвестны). В родословных книгах Румянцевской редакции (роспись датируется 40–50-ми гг. XVI в.) Дмитрию Боброку присвоен княжеский титул (только в заголовке к росписи)⁴².

Попытки контаминировать летописное известие о замужестве московской княжны и сообщение родословной росписи Волынских, в результате которых Дмитрий Михайлович Боброк становится князем Дмитрием Кориатовичем⁴³, пока не приводят к убедительным результатам. Вне зависимости от степени достоверности родословной легенды Волынских, в разных источниках речь идет о судьбе двух разных osób.

Первая, неизвестная по имени сестра Дмитрия Ивановича была отправлена в Литву его отцом Иваном Ивановичем. Должно быть, это была старшая сестра Дмитрия – на момент ее отъезда будущему великому князю было 5–6 лет. Если эта княжна родилась от первого брака великого князя Ивана Ивановича, то в 1356 г. ей было 14 лет, если от второго – не более 10. Вторая, Анна, вне зависимости от того, считать ли ее мифической или реальной фигурой, была

³³ ДДГ. С. 22. № 6; С. 37. № 37; [Кучкин, 2003, с. 339].

³⁴ ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 98; М., 2007. Т. 18. С. 111.

³⁵ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 114, 115, 127, 128.

³⁶ Там же. С. 180, 241, 246, 263, 280, 281, 287, 292, 327, 331, 362.

³⁷ Там же. С. 170, 171, 184, 327.

³⁸ Там же. С. 171, 172, 180, 241, 246, 248, 328, 359, 364.

³⁹ Там же. С. 168, 279.

⁴⁰ Там же. С. 326, 358.

⁴¹ Новые родословные книги XVI в. / Подгот. М. Е. Бычкова // Редкие источники по истории России. М., 1977. Т. 2. С. 54.

⁴² Там же. С. 148.

⁴³ Приоритет в этой версии принадлежит, очевидно, Н. М. Карамзину: «Ольгерд... женив племянника, Димитрия Кориядовича, на дочери великого князя...» [Карамзин, с. 168]. Идея была полностью усвоена в отечественной и зарубежной литературе.

выдана замуж уже при великом княжении Дмитрия Ивановича, то есть не ранее 1363 г., причем «в Москву». Родословная легенда Волинских относит выезд Дмитрия Боброка и его брак с княжной Анной Ивановной к 6888 (1379/1380) г.⁴⁴

Но у великого князя Ивана Ивановича, кроме одной несомненной и одной предполагаемой дочери, могли быть и другие, чьи имена источники не сохранили⁴⁵.

Неизвестная по имени сестра Дмитрия Донского, судя по обнаруженной В. Я. Левашовым рядной грамоте, должна была выйти замуж на некоего *великого князя Андрея*. Современниками Дмитрия Донского были несколько князей с этим именем, но титулом *великого князя*, признаваемым в межкняжеской дипломатии, пользовался только полоцкий князь Андрей Ольгердович.

Андрей Ольгердович упоминается с 1342 г., когда был князем-наместником в Пскове, затем княжил в Полоцке. Вследствие конфликта с Ягайло осенью 1377 г. бежал из Полоцка в Псков, где стал княжить вторично, в декабре 1379 г. участвовал в походе московской рати на Брянск, в 1380 г. – в Куликовской битве, затем вернулся в Полоцк. Здесь в конце 1386 или в начале 1387 г. Андрей Ольгердович был пленен своим братом Скиргайло. Он провел в заточении в Хенцинском замке⁴⁶ семь лет, до марта 1394 г., и погиб в битве на Ворскле в 1399 г.⁴⁷

Титул великого князя Полоцкого употребляется Андреем Ольгердовичем во вкладной записи приделу Св. Троицы церкви Св. Софии (датируется 2 февраля 1348 г. – 1377 г. либо 1381 г. – 27 апреля 1387 г.)⁴⁸ и в жалованной грамоте Федору и Дмитрию Корсакам (около 1370 – 1377 г. или 1381 г. – 27 апреля 1387 г.)⁴⁹.

Гипотеза, уже давно сформулированная в литературе, о том, что «великий князь Анофрей» во вкладной записи полоцкому Иоанно-Островскому монастырю⁵⁰ является «великим князем Андреем» [Варонін, с. 45], по мнению публикаторов «Полоцких грамот», «не подтверждается». Авторы не аргументировали эту точку зрения, хотя переход полууставного или скорописного *Аньдреи* в черновике записи в *Анофреи/Анофреи* представляется вполне вероятным.

Судя по всему, великим князем Андрей Ольгердович титуловался в двух несохранившихся докончаниях: 1) московского «великого князя Дмитрея Ивановича и брата ево Володимера Ондреевича с великим князем Ондреем Ольгердовичем» и 2) «великого князя Ондрея Ольгердовича с великим (*так!*) князем Володимером Ондреевичем, а князь Володимер кончал за брата своего за князя Дмитрея Ивановича»⁵¹.

Вполне последовательно титул великого князя применяется к Андрею Ольгердовичу в русских летописях⁵². С ним же он фигурирует в рассказе о Куликовской битве в составе Софийской I летописи старшего извода⁵³.

⁴⁴ Как дата выезда 1379/1380 г. не может быть принят, поскольку Боброк служил московскому великому князю уже в 1371 г. [Власьев, с. 7]. В. А. Кучкин полагает, что Боброк выехал в Москву между 1366 и 1368 гг. [Кучкин, 1994].

⁴⁵ Иван Иванович родился 30 марта 1326 г. (ПСРА. Т. 18. С. 89), умер 13 ноября 1359 г. в возрасте 33 лет (ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68; Т. 18. С. 100); в первый брак с брянской княжной Федосьей Дмитриевной вступил в 1341 г. в возрасте 15 лет (ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54; Т. 18. С. 94), овдовел в 16 лет (ПСРА. Т. 18. С. 94), вторично женился на Александре в 1345 г. в возрасте 19 лет (ПСРА. Т. 15. Вып. 1. Стб. 56; Т. 18. С. 95), в каком-то браке и пребывал до своей смерти, то есть 14 лет.

⁴⁶ В совр. Свентокшиском воеводстве Польши.

⁴⁷ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. М., 2015. Т. 2. С. 39; Памятники Куликовского цикла. С. 52; [Wolff, s. 336; Данилевич, с. 158–170].

⁴⁸ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. С. 72–73. № 10.

⁴⁹ Там же. С. 73. № 11.

⁵⁰ Предполагается, что это фальсификат: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. С. 62–63. № 6; Т. 2. С. 15–19.

⁵¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 34–35. Л. 5 об.

⁵² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 395; ПСРА. СПб., 1897. Т. 11. С. 174; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 107.

⁵³ Памятники Куликовского цикла. С. 32.

В своих латинских грамотах Андрей Ольгердович пользовался титулом короля Полоцкого («rex in Ploscovia/Ploskow»)⁵⁴.

Титуловалась *великой* княгиней и супруга Андрея Ольгердовича, неизвестная по имени и отчеству⁵⁵. Если довериться показаниям описанной В. Я. Левашовым рядной, она была сестрой московского князя, вероятнее – старшей. Ее сын или пасынок⁵⁶ Михаил Андреевич погиб в мае-июне 1385 г. на московской службе; он должен был появиться на свет не позднее 60-х гг. XIV в., когда Дмитрий Иванович только входил в подростковый возраст. Из других сыновей Андрея Ольгердовича Семен погиб в начале 1387 г. в Полоцке, Иван в 1389–1399 гг. был на кормлении в Пскове, умер между 1437 и 1439 гг.⁵⁷ О дочерях Андрея из других источников ничего не известно.

С начала 1387 г., после пленения князя Андрея, члены его семьи могли находиться под опекой московского великого князя Дмитрия Ивановича. Обстоятельства благоприятствовали отъезду семьи пленного князя из Полоцка в Москву. Бежавший в 1386 г. из Орды сын Дмитрия Донского Василий, будущий великий князь, возвращался в Москву окольными путями: через Подолье в Валахию, затем в «Немецкую землю» к Витовту (здесь он обручился с Софьей Витовтовной). Василию был предоставлен эскорт, который составили «князи лятские и панове, и ляхове, и литва». Навстречу Василию князь Дмитрий Иванович осенью 1386 г. отправил в Полоцкую землю «бояр своих старейших». В сопровождении многочисленной свиты из поляков, литовцев и московских бояр Василий Дмитриевич прибыл в Москву 19 января 1387 г.⁵⁸ – вероятно, сразу после падения Полоцка (точная хронология этих событий неясна⁵⁹).

Попечительство московского великого князя над семьей князя-узника Андрея Ольгердовича не было продолжительным – Дмитрий Донской умер 19 мая 1389 г. Какой именно «литовский князь» предназначался в женихи княжне Алене⁶⁰, неясно – так могли назвать любого обладателя княжеского титула, подданного Великому княжеству Литовского, в том числе и не принадлежащего к роду Гедимины.

⁵⁴ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. С. 77. № 13; С. 78. № 14.

⁵⁵ Там же. С. 79–80. № 15.

⁵⁶ В грамоте «княгини Андреевой» рижским совету и купцам младшие Андреевичи названы «ее детьми» («*wit u detei*») (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 1. С. 80. № 15).

⁵⁷ Предполагается, что князь Александр Андреевич Остей также был сыном Андрея Ольгердовича (ум. 1382) (Памятники Куликовского цикла. С. 211).

⁵⁸ ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 51, 52; Т. 11. С. 90; *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 431, 432.

⁵⁹ Андрей Ольгердович был полоцким князем еще 16 сентября 1386 г., 25 апреля 1387 г. Полоцк был отдан Скиргайлу (Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. Т. 2. С. 39). Ян Длугош относит взятие Полоцка к событиям 1386 г. (*Длугош Я.* Грюнвальдская битва. М., 1962. С. 8). Новгородская IV летопись, как и Длугош, свидетельствует, что Ягайло во время пленения Андрея в Литве отсутствовал – он был с королевой Ядвигой в Польше (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 347). Вернулся Ягайло в Вильну за некоторое время до Пепельной среды (*Длугош Я.* Грюнвальдская битва. С. 9), которая в 1387 г. пришлось на 20 февраля. Таким образом, взятие Полоцка и пленение Андрея Ольгердовича нужно датировать не мартом-апрелем 1387 г. [Варонін, с. 48], а скорее концом 1386 г. Известие о полоцких событиях следует за сообщением о новгородском походе Дмитрия Донского (конец декабря 1386 г.) (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 344–347). Князь Василий Дмитриевич со свитой должен был потратить на дорогу от Полоцка до Москвы (по современным трассам она составляет 667 км) по зимнему пути не менее 9 дней, из расчета 73–76 км в день [Каштанов, 2018, с. 37], а значит, выехал из Полоцка не позднее 10 января 1387 г.

⁶⁰ Имя племянницы Дмитрия Донского *Алена* представляет собой обиходную форму имени Елена. Следует учесть, что в Великом княжестве Литовском имя *Алена/Олена* также употреблялось как сокращенная форма имени *Александра* (в Северо-Восточной Руси это не прослеживается). Как известно, уменьшительные и сокращенные формы имен не имели в Литве того уничижительного (в социальном или возрастном смысле) значения, как в Московском государстве, и были в ходу в привилегированных родах [Wolff, s. 114, 155, 329, 330]. Оба имени – и Елена, и Александра – использовались в ономастике Рюриковичей и Гедиминовичей [Литвина, Успенский, с. 662–663, 692–693].

Рядная грамота, таким образом, должна быть датирована периодом с начала 1387 по май 1389 г. В целом, данные грамоты в изложении В. Я. Левашова хотя и не подтверждаются прямо иными источниками, но вполне укладываются в общую картину.

Упорство, которое В. Я. Левашов проявил в поисках потерянной рядной, можно понять. Поселившись после многих военных походов в Москве (1744 г.), он получил возможность разобрать и систематизировать свой личный архив. Наибольшую ценность, особенно в условиях культа Петра I, развившегося после воцарения Елизаветы Петровны, представляла переписка с «первым императором». Позднее собрание В. Я. Левашова перешло к его внуку Федору Ивановичу и было им предоставлено для издания П. П. Бекетову⁶¹.

Обращает на себя внимание фраза В. Я. Левашова о том, что находка рядной «и ея императорскому величеству, нашей всемилостивейшей государыне, небезугодна будет». Какие же основания были у автора письма для этого предположения? Елизавету Петровну не отличал интерес к «антиквитетам». Возможно, В. Я. Левашов находил определенное сходство между событиями 80-х гг. XIV в., когда Дмитрий Донской выдавал свою племянницу за иноземного князя, и 1745 г. – свадьбой племянника императрицы с иноземной принцессой. Несомненно, Елизавета Петровна помнила и о матримониальных проектах своего отца, в результате которых его племянницы Анна и Екатерина Иоанновны и дочь Анна Петровна обрели супругов в лице иностранных принцев (в 1710, 1716 и 1725 гг. соответственно). Но императрицу мог заинтересовать и иной момент, прямо связанный с вопросом о сестре Дмитрия Донского и ее потомках. Для В. Я. Левашова и его современников он приобрел политическую актуальность с 1740 г., когда состоялся процесс над А. П. Волынским.

Артемий Петрович Волынский был твердо убежден в своем происхождении от великой княжны Анны Ивановны, сестры Дмитрия Донского [Лаврентьев, с. 47]. Родословное древо Волынских, нарисованное его «конфидентом» П. М. Еропкиным, послужило одной из главных улик против Артемия Петровича – по мысли его обвинителей, оно явно говорило о претензиях обвиняемого на российский престол. В основании древа были помещены «две персоны... Дмитрия Волынца и княжны Анны», причем их сопровождали гербы рода Волынских и Российской империи⁶². В печатном манифесте вина А. П. Волынского в этой части обвинения звучала так: «Дерзнул бессовестно наши государственные гербы к себе присвоить и незаконно к высокой нашей императорской фамилии свойством себя причитать»⁶³.

Судя по всему, такое обвинение имело под собой некоторые основания. Еще можно усомниться в показаниях свидетелей по делу А. П. Волынского о том, что он «тщился сам государем быть». Но и сам А. П. Волынский на следствии неосторожно заявил, что «ево, Волынского, фамилия не плоше Рамановых», и если Романовы заняли престол «по свойству» с женой Ивана Грозного, «то де и по ево, Волынского, с московской великою княжною Анною свойству могут дети или внучаты, или правнучаты ево, Волынского, российского престола приемниками быть»⁶⁴.

А. П. Волынский в 1730–1731 гг. служил в Персии под началом В. Я. Левашова [Власьев, с. 184–185], так что они точно были знакомы. По некоторым данным, В. Я. Левашов был

---

⁶¹ Письма и указы государей: императора Петра Великого, императрицы Екатерины Первой, императора Петра Второго, императрицы Анны Иоанновны, императрицы Елисавет Петровны и персидского шаха Тахмасиба, к генерал-аншефу, сенатору и ордену святого апостола Андрея Первозванного и святого Александра Невского кавалеру Василию Яковлевичу Левашову. М., 1808.

⁶² В некоторых редакциях родословных книг отмечается, что у Дмитрия Волынца и княжны Анны был только один сын Василий, погибший в отрочестве и потомства не оставивший. Об этом знал и П. М. Еропкин: «Волынский происходит не от московской княжны, а от первой жены выезжего Волынца» (Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. С. 151), но А. П. Волынский эту версию игнорировал.

⁶³ Цит. по: [Курукин, с. 14].

⁶⁴ Цит. по: [Курукин, с. 348]. Предлагаемое автором слововедение («правнучатые во Волынского») исправлено нами.

привлечен к следствию по делу А. П. Волинского: «в конце правления императрицы Анны Иоанновны, по ненависти некоторых придворных сильных особ, он не только был милости лишен, но едва спастись мог» [Бекетов, с. 9].

После воцарения Елизаветы Петровны Волинский был посмертно реабилитирован, а члены его семьи восстановлены в правах. Сообщение о сестре Дмитрия Донского, иной, чем та, что прочилась в прародительницы Волинских, действительно могло бы заинтересовать императрицу.

На свои обращения к И. А. Черкасову (1745 г.) и В. И. Демидову (1747 г.) В. Я. Левашов, видимо, удовлетворительного ответа не получил. Бумаги Кабинета Петра I в то время (1742 г.) хранились в 14 сундуках в петербургском Летнем дворце и не имели «описи, что в котором сундуке лежит». И. А. Черкасов докладывал: «А как я раскрыл сундуки, то явилось все перемешано так, что без розбору и описи вновь миновать нельзя» [Санин, с. 202]. Сейчас письмо В. Я. Левашова подшито к его реляциям за 1719 г., поскольку в нем повествуется о событиях этого года. Его предположение о том, что рядная запись обнаружится среди бумаг Кабинета Петра I, не оправдалось, но оно и не было обоснованным. Петр мог распорядиться полученной рукописью разными способами.

Литература

- Баиов А. [К.] Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. СПб., 1906. [Т. 2]. Кампания 1739 г. 398 с.
[Бекетов П. П.] Краткое описание жизни Василья Яковлевича Левашова. [М., 1808]. 10 с.
Варонін В. А. Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) // Полацк: карані нашага радавода. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 1996. С. 44–50.
Власьев Г. А. Род дворян Волинских // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1911. Вып. 4. С. 127–201.
Высшие чины Российской империи. Биографический словарь. В 4 т. / Сост. Е. А. Потемкин. М., 2019. Т. 2. 645 с.
Головщиков К. Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. 380 с.
Гуськов А. Г. «Столбцы» – «столпы» – «столпики»: терминологическая дискуссия // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIV Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 7–8 апреля 2022 г. М., 2022. С. 93–95.
Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. 284 с.
Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. 498 с.
[Зимин А. А.] Комментарии [к описи государственного архива XVI столетия] // Государственный архив России XVI столетия: опыт реконструкции / Подгот. А. А. Зимин. М., 1978. С. 101–554.
Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. 480 с.
Кашианов С. М. Распространение бумаги на Руси в XIV–XVI вв. // Стоярова Л. В., Каштанов С. М. Книга в Древней Руси (XI–XVI вв.). М., 2010. С. 91–126.
Кашианов С. М. Очерки региональной истории и исторической географии Русского государства XV–XVII вв. М., 2018. Т. 1. 656 с.
Курукин И. В. Артемий Волинский. М., 2011. 414 с.
Кучкин В. А. Боброек-Волинский // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. М., 1994. Т. 1. С. 249.
Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. 368 с.
Лаврентьев А. В. Кабинет-министр Артемий Петрович Волинский и воевода Дмитрий Михайлович Боброек-Волинский: опыт изучения и мемориализации Куликовской битвы в России первой половины XVIII в. М.; СПб., 2013. 104 с.

- Левашов Василий Яковлевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. [10]. С. 123–124.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: династическая история сквозь призму антропониимики. М., 2006. 904 с.
- Полосин И. И. О челобитных Пересветова // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР. М., 1946. Т. 35. Вып. 2. С. 25–55.
- Санин О. Г. Архив Кабинета Петра I в XVIII–XIX веках // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «История» (документоведение, архивоведение). 2008. № 8/08. С. 197–213.
- Фейгина С. А. Аландский конгресс: внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. 547 с.
- Хоруженко О. И. Грамоты князей Волконских XVI в.: дипломатическое исследование // Российская история. 2022. № 1. С. 37–46. DOI 10.31857/S0869568722010046
- Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. 472 с.
- Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. 616 с.
- Ясинский А. Н. Московский государственный архив в XVI веке. Киев, 1889. 16 с.
- Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. 724 s.

References

- Baiov, A. [К.] Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina Rossii s Turtsiei v 1736–1739 gg. [Russian Army in the Reign of Empress Anna Ioannovna. The War between Russia and Turkey in 1736–1739]. Saint Petersburg, 1906. [Vol. 2]. Kampaniya 1739 g. [Campaign of 1739]. 398 p.
- [Beketov, P. P.] Kratkoe opisanie zhizni Vasil'ya Yakovlevicha Levashova [Brief Description of the Life of Vasily Yakovlevich Levashov]. [Moscow, 1808]. 10 p.
- Cherepnin, L. V. Russkie feodal'nye arkhivy XIV–XV vekov [Russian Feudal Archives of the 14th – 15th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1948. Part 1. 472 p.
- Cherepnin, L. V. Russkaya paleografiya [Russian Palaeography]. Moscow, 1956. 616 p.
- Danilevich, V. E. Ocherk istorii Polotskoi zemli do kontsa XIV stoletiya [Essay on the History of the Polotsk Land until the End of the 14th Century]. Kiev, 1896. 284 p.
- Feigina, S. A. Alandskii kongress: vneshnyaya politika Rossii v kontse Severnoi voiny [Congress of Åland: Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War]. Moscow, 1959. 547 p.
- Golovshchikov, K. D. Rod dvoryan Demidovykh [Noble Family of Demidovs]. Yaroslavl, 1881. 380 p.
- Gus'kov, A. G. "Stolbtsy" – "stolpy" – "stolpiki": terminologicheskaya diskussiya ["Stolbtsy" – "stolpy" – "stolpiki": Terminological Discussion]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXIV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 7–8 aprelya 2022 g.* Moscow, 2022. Pp. 93–95.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Moscow, 1992. Vol. 4. 480 p.
- Kashtanov, S. M. Rasprostranenie bumagi na Rusi v XIV–XVI vv. [Spread of Paper in Rus in the 14th – 16th Centuries]. In *Stolyarova, L. V., Kashtanov, S. M. Kniga v Drevnei Rusi (XI–XVI vv.)*. Moscow, 2010. Pp. 91–126.
- Kashtanov, S. M. Ocherki regional'noi istorii i istoricheskoi geografii Russkogo gosudarstva XV–XVII vv. [Essays on the Regional History and Historical Geography of the Russian State in the 15th – 17th Centuries]. Moscow, 2018. Vol. 1. 656 p.
- Khoruzhenko, O. I. Gramoty knyazei Volkonskikh XVI v.: diplomaticheskoe issledovanie [The 16th Century Letters of the Princes Volkonsky: A Diplomatic Research]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2022. No. 1. Pp. 37–46. DOI 10.31857/S0869568722010046
- Kuchkin, V. A. Bobrok-Volynskii [Bobrok-Volynsky]. In *Otechestvennaya istoriya. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do 1917 g.* Moscow, 1994. Vol. 1. P. 249.
- Kuchkin, V. A. Dogovornye gramoty moskovskikh knyazei XIV veka: vneshnepoliticheskie dogovory [Treaties of the Muscovite Princes of the 14th Century: Foreign Policy Agreements]. Moscow, 2003. 368 p.
- Kurukin, I. V. Artemii Volynskii [Artemy Volynsky]. Moscow, 2011. 414 p.
- Lavrent'ev, A. V. Kabinet-ministr Artemii Petrovich Volynskii i vovoda Dmitrii Mikhailovich Bobrok-Volynskii: opyt izucheniya i memorializatsii Kulikovskoi bitvy v Rossii pervoi poloviny XVIII v. [Cabinet Minister Artemy Petrovich Volynsky and Voivode Dmitry Mikhailovich Bobrok-Volynsky: Studying and Memorializing the Battle of Kulikovo in Russia in the First Half of the 18th Century]. Moscow; Saint Petersburg, 2013. 104 p.

- Levashov Vasilii Yakovlevich [Levashov Vasily Yakovlevich]. In *Russkii biograficheskii slovar'*. Saint Petersburg, 1914. Vol. [10]. Pp. 123–124.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybory imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv.: dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The Choice of a Name among Russian Princes in the 10th – 16th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, 2006. 904 p.
- Polosin, I. I. O chelobitnykh Peresvetova [About Peresvetov's Petitions]. In *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V. I. Lenina. Kafedra istorii SSSR*. Moscow, 1946. Vol. 35. Issue 2. Pp. 25–55.
- Sanin, O. G. Arkhiv Kabinet Petra I v XVIII–XIX vekakh [Archive of the Cabinet of Peter I in the 18th – 19th Centuries]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya "Istoriya" (dokumentovedenie, arkhivovedenie)*. 2008. No. 8/08. Pp. 197–213.
- Varonin, V. A. Vyalikiya knyazi polatskiya (kanets XIV st.) [Grand Princes of Polotsk (Late 14th Century)]. In *Polatsk: karani nashaga radavoda. Materyyaly Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi*. Polotsk, 1996. Pp. 44–50.
- Vlas'ev, G. A. Rod dvoryan Volynskikh [Noble Family of Volynsky]. In *Izvestiya Russkogo genealogicheskogo obshchestva*. Saint Petersburg, 1911. Issue 4. Pp. 127–201.
- Vysshie chiny Rossiiskoi imperii. Biograficheskii slovar' [The Highest Ranks of the Russian Empire. Biographical Dictionary]. In 4 vol. Compiled by E. L. Potemkin. Moscow, 2019. Vol. 2. 645 p.
- Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. 724 s.
- Yasinskii, A. N. Moskovskii gosudarstvennyi arkhiv v XVI veke [The State Archive of Moscow in the 16th Century]. Kiev, 1889. 16 p.
- Zimin, A. A. I. S. Peresvetov i ego sovremenniki. Ocherki po istorii russkoi obshchestvenno-politicheskoi mysli serediny XVI veka [I. S. Peresvetov and His Contemporaries. Essays on the History of Russian Socio-Political Thought in the Middle of the 16th Century]. Moscow, 1958. 498 p.
- [Zimin, A. A.] Kommentarii [k opisi gosudarstvennogo arkhiva XVI stoletiya] [Comments [To the Inventory of the State Archive of the 16th Century]]. In *Gosudarstvennyi arkhiv Rossii XVI stoletiya: opyt rekonstruktsii*. Prepared by A. A. Zimin. Moscow, 1978. Pp. 101–554.

Oleg I. Khoruzhenko

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

NEWS ABOUT PRINCESS ALENA ANDREEVNA,
NIECE OF DMITRY IVANOVICH DONSKOY

The paper deals with the message of V. Ya. Levashov (1747) about the ryadnaya zapis (dowry list) of Grand Prince Dmitry Ivanovich, which Levashov found and later lost, prepared in connection with the marriage of his niece Alena. The author of the paper demonstrates that V. Ya. Levashov's information is distinguished by a high degree of reliability. Despite the fact that this information is not directly confirmed by other sources, it should be taken into account when studying the history of the second half of the 14th century.

Keywords: Dmitry Donskoy, Andrei Olgerdovich, Vasily Yakovlevich Levashov, act sources, ryadnaya zapis